М. Бородкинъ.

Полтавскій Завѣтъ

Государя Императора.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ", Дѣвичья улица, домъ № 14-й.
1909.

М. Бородкинъ.

Полтавскій Завѣтъ

Государя Императора.

Родному патріоту Петру Ивановичу Щукину от М. Бородкина 25 ноября 1909 г.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ", Дѣвичья улица, домъ № 14-й.
1909.

Полтавскій завѣтъ Государя Императора[1].

Всѣмъ вамъ, конечно, приходилось вспоминать что-либо хорошее и пріятное изъ прошлаго, изъ пережитаго. Въ жизни каждой изъ васъ имѣются минуты и дни, быть можетъ, даже цѣлые періоды, къ которымъ вы возвращаетесь съ особой любовью, дѣлитесь ими съ особой охотой и радостью. Отчій домъ, дѣтскія игры, первыя впечатлѣнія сознательнаго бытія и т. п.—какъ все это дорого человѣку! Какъ все это привязываетъ его къ родинѣ. Симпатіи дѣтства ничѣмъ не замѣнимы. Дорожите также тѣмъ возрастомъ, въ которомъ находитесь, когда все растетъ, поетъ, цвѣтетъ и озарено улыбкой радости. Всѣ мы живемъ не только настоящимъ, но и минувшимъ. Прошлое часто обвѣиваетъ и охватываетъ насъ, оно подымаетъ наше настроеніе. Поэтъ правъ, когда говоритъ:

„Все былое, умершее, снова во мнѣ
Будетъ жить и горѣть, и свѣтиться".
(Гр. Голенищевъ-Кутузовъ).

Воспоминаніе—сильная способность души. Воспоминанія часто утѣшаютъ человѣка; къ нимъ мы прибѣгаемъ и въ минуты радости и въ минуты тяжкой скорби. Вы знаете, конечно, Кочубея въ поэмѣ Пушкина. Кочубей арестованъ. Онъ наканунѣ казни. Въ башнѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, онъ невольно предался размышленіямъ:

„И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатства, славу
И пѣсни дочери своей;
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ..

[1]) Рѣчь, произнесенная М. Бородкинымъ въ Екатерининскомъ Институтѣ (въ С.-Петербургѣ).

Отъ частной жизни перенеситесь на общественную арену, къ жизни нашей родины. Въ историческомъ ея прошломъ находятся событія и лица, которыя невольно привлекаютъ наше вниманіе, побуждаютъ часто возвращаться къ нимъ, заставляютъ сердце усиленно биться. Мы почти сживаемся съ нѣкоторыми дѣятелями прежнихъ временъ, они становятся намъ близкими, родными. Намъ всегда пріятно узнать о нихъ что-нибудь новое, въ тихій часъ досуга, при вечернемъ огнѣ, бесѣда легко возобновляется о нихъ, и книга объ ихъ дѣлахъ и подвигахъ не выпадаетъ изъ рукъ. Пріятно освѣжиться отраднымъ прошлымъ, отдохнуть на немъ. Заслуги и героизмъ предковъ не только ободряютъ насъ, они возбуждаютъ нашу патріотическую гордость, будятъ національное самосознаніе, усиливаютъ любовь къ родной землѣ. Хороша ты, „золотая память былого"...

А если это такъ, то надо чаще доставлять себѣ это удовольствіе, чаще вспоминать великихъ людей и славныя событія, чаще заглядывать въ родную лѣтопись умолкнувшихъ столѣтій, вызывать изъ историческаго сумрака свѣтлые и дорогіе образы, прислушиваться къ добрымъ ихъ завѣтамъ, слѣдовать достойнымъ примѣрамъ, черпать бодрость у спокойно-сильныхъ душъ, поучаться у предковъ ихъ гордой простотѣ...

Въ виду того, что хорошія историческія поминки очень полезны, ихъ устраиваютъ всѣ народы.

27 іюня с. г. вся Россія приняла участіе въ такихъ поминкахъ: она вспоминала „преславную викторію" Петра Великаго подъ Полтавой, отпраздновала блестящую народную побѣду. Въ разныхъ концахъ Имперіи въ этотъ день гремѣли салютаціонные выстрѣлы, разносился звонъ церковныхъ колоколовъ, славословили Великаго Монарха и подвиги его войска. Имя Петра и исполинскій его подвигъ—„Полтава" были во всѣхъ устахъ.

И вотъ опять въ его судьбѣ
Сердецъ восторженные клики
Твой призракъ будятъ, Петръ Великій,
При пушекъ радостной пальбѣ!
Опять пріемлешь ты сторицей
Хвалу признательныхъ временъ...

(К. К. Случевскій).

Мнѣ хотѣлось бы воскресить въ вашей памяти это многозначительное для Россіи время, мнѣ желательно вмѣстѣ съ вами пережить, въ теченіе краткаго вечера, воспоминанія одной изъ лучшихъ страницъ родной исторіи, которая согрѣваетъ насъ патріотическимъ огнемъ и, какъ солнце, станетъ простирать свои лучи въ даль вѣковъ, пока будетъ живъ великій русскій народъ. Полтава одно изъ величайшихъ событій отечественной исторіи, которое надо запечатлѣть не только въ холодной памяти, но носить въ отзывчивомъ сердцѣ. Полтава записана на міровой скрижали и мы въ правѣ гордиться ею.

27 іюня Полтавской побѣдѣ минуло 200 лѣтъ. Рѣшено было отпраздновать это событіе. Главныя торжества происходили лѣтомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій одержалъ побѣду. Туда отправился Государь съ блестящей свитой, тамъ были сосредоточены представители тѣхъ славныхъ полковъ, которые при Петрѣ Великомъ порадовали Россію своей стойкостью и храбростью. Разнообразно чествовали память Царя-героя—Петра Великаго—и его доблестныхъ сподвижниковъ: прежде всего молитвой помянули тѣхъ храбрецовъ, для которыхъ жизнь была не дорога, жила бы только и благоденствовала Россія. Открыто было нѣсколько памятниковъ; устроенъ великолѣпный парадъ, въ присутствіи вѣнценоснаго Вождя Русской арміи и проч. Но изъ всего, что было сдѣлано и сказано въ тѣ свѣтлые дни, я хочу обратить ваше вниманіе на рѣчь Его Императорскаго Величества—нашего Державнаго Государя. Она восхитила и глубоко тронула меня. Я желаю поэтому, чтобы вы не только узнали ее, но чтобы она запала въ вашу душу и вспоминалась вамъ въ тѣ дни, когда вы выступите на самостоятельный жизненный путь, и когда родина въ правѣ будетъ ожидать отъ васъ честнаго служенія ей и полезныхъ дѣлъ. Самыя большія трудности настанутъ для васъ тогда, когда покинете стѣны тѣхъ прекрасныхъ заведеній, въ которыхъ учитесь и окружены всевозможными заботами, „когда получите возможность сдѣлать то, что желаете“ (Н. И. Пироговъ), когда очутитесь на полной свободѣ среди житейскихъ волнъ, житейской суеты, среди хаоса современныхъ событій и толпы людской. Въ тѣ дни свободы и самостоятельной жизни, я желалъ бы, чтобы чаще припоминались вамъ дра-

гоцѣнныя слова Государя Императора и служили вамъ въ извѣстныхъ случаяхъ путеводной звѣздой.

Рѣчь нашего возлюбленнаго Монарха невелика по объему, но согрѣта сердечной теплотой и прекрасна по содержанію. Вотъ эти достопамятныя строки.

„Съ чувствомъ глубокаго волненія переживалъ Я послѣдніе два дня, и вы вмѣстѣ со Мною, вѣроятно, испытали тѣ-же чувства на тѣхъ-же поляхъ Полтавы, гдѣ 200 лѣтъ тому назадъ рѣшалась судьба Нашего отечества. Волею Господа Бога геніемъ Петра и стойкостью русскаго народа была одержана побѣда, давшая Россіи величіе.—Россія только что пережила времена невзгодъ. Я вѣрю, что отнынѣ она вступитъ на путь развитія и благоденствія и что будущимъ поколѣніямъ легче будетъ жить и служить своей родинѣ. Но для этого нужно, чтобы всѣ вѣрные Мои подданные помогали своему Государю, нужна вѣра въ силу своего отечества, любовь къ нему и любовь къ своей старинѣ“...

Таковъ полтавскій завѣтъ Государя Императора. Вникнемъ въ эти дорогія для насъ слова. Разберемъ и продумаемъ съ вами каждую мысль. Государь съ глубокимъ волненіемъ переживалъ прошлое. Да и нельзя иначе отнестись къ этому прошлому. Вѣдь 200 лѣтъ назадъ на поляхъ Полтавы рѣшалась судьба Россіи, участь нашей родины. Монархъ вспоминалъ богатую событіями Великую Сѣверную войну,—важнѣйшимъ эпизодомъ которой является Полтава, и взволновался. Много вело Московское царство войнъ (за первые четыре столѣтія вело ихъ 250), но эта была одна изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ памяти Его Величества ожили всѣ тѣ колосальныя трудности, которыя переносили Царь Петръ и вѣрный ему русскій народъ въ теченіи двадцати лѣтъ кряду. Нашъ Государь отзывчивымъ сердцемъ оцѣнилъ упорную борьбу съ сильной тогда Швеціей и отчаянно-храбрымъ ея королемъ—Карломъ XII. Безъ тревоги и трепета нельзя вспомнить тѣхъ событій, отъ которыхъ зависѣло все будущее родины, ея жизнь или смерть.

Общая картина того, что воскресало въ памяти каждаго, такова. Россія росла и ширилась. Она нуждалась въ морѣ и искала выходъ къ нему. Въ то же время ей нужно было влиться въ естественныя границы. Въ смутное время XVI ст. мы потеряли часть прежнихъ своихъ владѣній. Надо

было вернуть достояніе дѣдовъ и отцовъ, то, что называлось тогда „отчичъ и дѣдичъ". Петръ рѣшилъ добыть море и вернуть прежнія земли оружіемъ. Русскіе двинулись въ походъ. Осадили Нарву. Ратниковъ у насъ было много, но то были крестьяне отъ сохи, а не солдаты. Пушки оказались плохими, начальники изъ иноземцевъ. Подчиненные ихъ не понимали, не понимали и они подчиненныхъ. Представьте себѣ это печальное положеніе. Вавилонскія столпотворенія всегда обречены на неудачи. Кромѣ того, на войнѣ сила не въ количествѣ, а въ духѣ солдатъ, храбрости, искусствѣ, въ знаніяхъ. Все это у насъ отсутствовало.

Вихремъ налетаетъ Карлъ XII съ маленькой арміей и обращаетъ въ бѣгство наши полки. Часть ихъ убита, часть погибла въ рѣкѣ Наровѣ, многіе пропали безъ вѣсти. Часть русскихъ генераловъ и офицеровъ въ плѣну. Положеніе удручающее. Шведы ликовали. Русскіе унижены, осмѣяны. О славѣ Карла трубили во всей Европѣ.

Но не спѣшите съ выводами и осужденіемъ. При неудачѣ падаетъ только малодушный, только дряблый характеръ преклоняетъ голову, считая все потеряннымъ. Во главѣже Россіи стоялъ тогда человѣкъ желѣзной воли—могучій Петръ. Въ несчастіяхъ познается геній. Несчастія обыковенно выковываютъ крѣпкіе характеры въ стальные, а слабые гибнутъ.

„Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ".

Скоро прошла первая минута отчаянія и Петръ выпрямился во весь богатырскій ростъ. Орлинымъ взоромъ окинулъ онъ Русь и понялъ, что силъ въ ней много, надо только вызвать ихъ къ жизни. Онъ рѣшилъ создать новую армію на новыхъ началахъ и продолжать борьбу съ неустрашимымъ Карломъ и лихими его драбантами. По мановеніи его руки закипѣла работа. Начались наборы, укрѣплялись города, лились пушки, для которыхъ не жалѣли даже церковныхъ колоколовъ. Между тѣмъ, презирая русскихъ, Карлъ бросился на ихъ союзника. Онъ ушелъ въ Польшу, гдѣ „увязъ", много лѣтъ преслѣдуя Августа Саксонскаго. Этого только и нужно было Петру. Его молодыя войска надо было успѣть пріучить къ побѣдамъ. Около Невы, въ Финляндіи и Эстляндіи они въ этотъ періодъ времени сходятся со шведами и скоро стали получаться первыя вѣсти объ нашихъ

успѣхахъ. Петръ возликовалъ, надежда на успѣхъ возросла.

Въ Польшѣ Карлъ торжествовалъ свои побѣды, но и подготовилъ свою гибель. Врагъ былъ тамъ разбитъ, но шведы—подобно войскамъ кароагенянамъ Аннибала въ Капуѣ—разнѣжились, стали мородерствовать и тѣмъ подписали себѣ смертный приговоръ. Когда нечего было болѣе дѣлать въ Польшѣ, Карлъ двинулся на Россію, но было поздно. За 8 лѣтъ Петръ создалъ сильную армію и готовъ былъ помѣряться съ побѣдителемъ при Нарвѣ.

Уже изъ сказаннаго вы чувствуете и понимаете ошибки Карла и значеніе роста боевыхъ силъ Петра.

Карлъ шелъ къ роковой для него Полтавѣ. Она представляла тогда маленькую крѣпосцу съ небольшимъ, но мужественнымъ гарнизономъ. Шведы сдѣлали нѣсколько попытокъ взять Полтаву, но комендантомъ ея былъ энергичный Алексѣй Степановичъ Келенъ. Запомните это имя. Келенъ—украшеніе нашей исторіи, хотя скромное имя его едва извѣстно. Келенъ отбилъ всѣ атаки шведовъ со своимъ ничтожнымъ отрядомъ.

На выручку Келена спѣшилъ Петръ съ большой арміей. Петръ не безъ колебанія приступалъ къ главному сраженію, находя его „зѣло опаснымъ дѣломъ“. „Украина глухо волновалась“. Въ пяти верстахъ отъ Полтавы, въ полѣ сошлись главныя русскія и шведскія силы. „И оба стана средь равнины другъ друга хитро облегли“. Втрѣтились два великана—Петръ и Карлъ. Но въ день битвы Петръ былъ на конѣ, а Карла носили въ качалкѣ.

„И грянулъ бой! Полтавскій бой!

. . . .

„Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядры, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки“...

. . . .

„Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ

. . . .

Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабановъ, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ.
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ“...

„...Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ“...
„...Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О славный часъ! О славный видъ!..
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ“...!

Шведы дѣйствительно дрогнули и обратились въ бѣгство. Шведская армія расшиблась о русскую силу. Позоръ Нарвы былъ смытъ. Непобѣдимый дотолѣ Карлъ разбитъ нарвскими бѣглецами.

Чудеса храбрости проявлены были съ той и другой стороны. На Петрѣ была прострѣлена шляпа, другая пуля попала въ сѣдло, третья—погнула крестъ на его груди. Вокругъ Карла пали, какъ подкошенные, его драбанты, лошади, везшія качалку, были убиты, качалка подъ нимъ разбита ядромъ. 30 іюня при Переволочкѣ остатки шведской арміи сдались въ плѣнъ. Шведы потеряли всего при Полтавѣ 9 т. убитыми и ранеными, 289 знаменъ, до 17 тыс. плѣнными и 32 орудія.

Петръ сіяетъ отъ восторга! Съ обнаженной головой онъ объѣзжаетъ славные полки и благодаритъ: „Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленныя!... Храбрыя дѣла ваши вѣчно имутъ мя ублажати“.

Тутъ же на полѣ молебномъ воздается хвала и благодареніе Господу Богу.

Затѣмъ, во время трапезы въ шатрѣ подымается кубокъ за учителей шведовъ.

Трупы павшихъ сносились къ братскимъ могиламъ. Идетъ заупокойное богослуженіе. Царь Петръ поетъ съ пѣвчими и затѣмъ, заливаясь горькими слезами, лопатой засыпаетъ могилы храбрецовъ и разстается съ ними тремя земными поклонами.

Когда все это было исполнено, Петръ берется за перо и спѣшитъ сообщить свою радость сотрудникамъ,—разбросаннымъ по разнымъ концамъ государства. „Вся непріятельская армія конецъ воспріяла“, писалъ Царь. Онъ поздравлялъ сотрудниковъ „въ свѣтѣ неслыханною викторіею“. „Сія баталія—счастье наше“. „Русское воскресеніе“.

Все дѣло въ послѣдствіяхъ Полтавы, а эти послѣдствія были громадны.

Первенствующее значеніе Швеціи на сѣверѣ Европы

перешло къ Россіи. „При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ“. Полтавой обезпечены завоеванія на сѣверѣ и утверждено владычество на югѣ, ибо колебавшаяся между Польшей и Россіей Малороссія навсегда склонилась къ Россіи.

Послѣ Полтавы, европейскіе государи наперерывъ стали искать союза и расположенія Петра, ибо побѣдой русскому народу пріобрѣтена слава, а міру показано, что русскіе научились вести войну. То было время мощи и славы Россіи молодой. „Народы и державы несли къ ея стопамъ дань страха и похвалъ“...

Положеніе Россіи въ Европѣ сдѣлалось „консидерабельнымъ“.

Чтобы лучше понять значеніе Полтавской побѣды, подумайте только, что сталось бы съ бѣдной Россіей, если бы одолѣлъ подъ Полтавой Карлъ XII! Его желѣзная рука не пощадила-бы ее! Полтава спасла Россію.

Вотъ почему „Полтава“ отнесена къ тѣмъ именамъ, которыя заставляютъ трепетать русскія сердца. Полтава зажигаетъ новые огни патріотизма, потушенные Нарвою.

Теперь вамъ должно быть понятно заявленіе Государя Императора о томъ, что онъ „съ чувствомъ глубокаго волненія переживалъ“ воспоминанія о Полтавѣ. Его царственному умственному взору представилась вся серьезность момента, вся огромность задачи, которую Петръ рѣшалъ подъ Полтавой. Державное чудное, отзывчивое сердце нашего Монарха воспріяло всю радость побѣды, ибо спасена была тогда дорогая для всѣхъ насъ Россія. „Это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства“. Полтава явилась фундаментомъ нашей современной государственности, началомъ блестящей славы Россіи, крѣпость нашей родины.

Полтавской славой Россія обязана прежде всего—Петру Великому. Нашъ долгъ поэтому вспомнить его съ признательностью и въ чемъ можно поучиться у этого великаго вождя русскаго народа.

Говоря о Петрѣ, нельзя не замѣтить его прославленнаго противника Карла XII. Оба они опредѣляютъ собою содержаніе цѣлой эпохи на сѣверѣ. При сопоставленіи Петра съ Карломъ—первый будетъ яснѣе понятъ и оцѣненъ.

Карлъ XII одна изъ своеобразнѣйшихъ коронованныхъ особъ. Онъ обладалъ качествами, которыя могли быть очень полезными для государственной дѣятельности. Онъ одаренъ былъ большими умственными способностями и рано проявилъ чувство строгой справедливости. Но столь же рано онъ сталъ изумлять своимъ необыкновеннымъ упрямствомъ. Съ безпокойствомъ смотрѣли на него шведы, когда онъ отказался произнести королевскую присягу и короновался безъ соблюденія принятыхъ формальностей. Съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ верхомъ на конѣ подъѣхалъ Карлъ къ каѳедральному собору Стокгольма, гдѣ архіепископъ передъ алтаремъ совершилъ міропомазаніе. Тѣмъ и окончилась вся церемонія коронованія. Естественно, что юноша, подобный Карлу XII, не могъ долго питать особой склонности къ серьезнымъ правительственнымъ обязанностямъ. Онъ предался воинственнымъ играмъ, медвѣжьимъ охотамъ и скачкамъ. Забавы Карла, особенно въ сообществѣ герцога Гольштинскаго (мужа сестры), приняли довольно буйный характеръ, наводившій страхъ на городскихъ жителей. Безчинства эти извѣстны были въ народѣ подъ общимъ именемъ „Готторпскаго бѣшенства".

Воображеніе Карла было возбуждено разсказами объ Александрѣ Великомъ, героическими скандинавскими легендами, подвигами викинговъ. Онъ сдѣлался королемъ викинговъ, легендарнымъ героемъ. Для благороднаго воина-бойца онъ обладалъ всѣми нужными качествами.

Онъ былъ высокаго роста, хорошаго сложенія, крѣпкаго здоровья, сильной воли и не зналъ вовсе чувства страха. Одѣвался крайне просто. Темно-василькаваго цвѣта кафтанъ, вѣчно застегнутый на пуговицы желтой мѣди, очень высокіе сапоги; вмѣсто галстука--кусокъ чернаго крепа. Никакихъ галуновъ, никакого шитья. Свѣтлорусые волосы расчесываются пальцами. Рубашка грязна, вообще онъ нечистоплотенъ. Ѣлъ быстро, столъ имѣлъ самый простой, сервизъ изъ жести или цинка. Спалъ на простомъ матрацѣ, ельникѣ или соломѣ. У изголовья неизмѣнно красивая позолоченная Библія.

Ночью незамѣченный уходитъ изъ дворца къ арміи, которую ведетъ въ Данію. Разбиваетъ врага. Переправляется въ Россію и устраиваетъ страшный нарвскій погромъ. Осво-

бождаетъ Ригу, наноситъ пораженіе Августу II. Торжествуетъ еще длинный рядъ побѣдъ. Карлъ проносится блестящимъ метеоромъ черезъ Польшу и Саксонію. Всюду онъ ищетъ опасностей, рыцарскихъ приключеній, рукопашныхъ схватокъ. Онъ прежде всего неустрашимый викингъ. Всюду онъ въ огнѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Его мечъ многократно обогрялся кровью.

Онъ безподобный воинъ, но слабый полководецъ. Онъ не соразмѣрялъ силъ своего войска съ тѣми цѣлями, которыя онъ преслѣдовалъ. Не устраивалъ запасныхъ магазиновъ, а все возилъ за арміей въ огромныхъ обозахъ. Стоило отбить обозъ, чтобы поставить его армію въ весьма затруднительное положеніе. Зачѣмъ пошелъ онъ, напримѣръ въ Украйну? Роковая ошибка. Шелъ онъ туда ощупью. При выступленіи изъ Польши король видѣлъ, что русская земля умышленно опустошена, дороги изрыты. Карлъ зоветъ генерала Гюлленкрука и спрашиваетъ совѣта, куда направить армію? Чтобы получить возможность дать разумный отвѣтъ, генералъ просилъ Карла раскрыть ему операціонный планъ. „У меня нѣтъ никакого плана“, признался король. Гюлленкрукъ принялъ это за шутку, но отвѣтъ короля оказался ужасной истиной. Въ этомъ эпизодѣ полная оцѣнка Карла, какъ полководца. Онъ мечталъ дойти до Азіи. Для чего? Только для того, чтобы имѣть возможность сказать: „Мы и въ Азіи побывали“.

Нѣтъ, воевать безъ строго обдуманнаго плана и вести армію въ Азію только для тщеславія—не можетъ тотъ, кто претендуетъ на имя полководца. Такъ безразсудно нельзя проливать крови и тратить народныя средства. Война великое дѣло, а не удалая потѣха, какъ представлялъ ее себѣ Карлъ XII.

Обратимся къ Петру В. По внѣшности Петръ былъ красивый, бойкій, подвижный, нервный, высокій (2 арш. 14 верш.), смуглый брюнетъ. Голова тряслась; по лицу пробѣгали судорожныя подергиванія, правая рука дѣлала конвульсивныя движенія. Ходилъ широкой походкой, часто безъ шапки, размашисто жестикулировалъ. Одѣвался просто: его можно было видѣть въ стоптанныхъ башмакахъ и заштопанныхъ чулкахъ. Его дворцы малы и просты. Ѣлъ зачастую деревянными ложками; довольствовался жареной говядиной съ

огурцами; о личныхъ удобствахъ не думалъ; уживался часто въ солдатской палаткѣ и довольствовался солдатской порціей. Ѣздилъ на плохой парѣ, а въ парадныхъ случаяхъ занималъ кабріолетъ извѣстнаго щеголя Ягужинскаго. Парадные обѣды и пріемы часто устраивалъ у любимца Меншикова. Говорилъ быстро и хорошо, безъ труда подыскивая нужныя слова и выраженія. Писалъ порывисто.

Въ Петрѣ чувствуется коренная русская натура—натура прежняго новгородскаго повольника, населителя пустынныхъ краевъ. Петръ—олицетворенная мощь Россіи. Петръ точно вышелъ изъ старой былины.

Откуда, напр., его страсть къ морю? Это стремленіе русскаго человѣка къ ширн, къ простору, раздолью. Мѣстности, сжатой горами, онъ не любилъ. Карлсбадъ въ его письмахъ называется и тюрьмой, и ямой. Петръ геніальный самоучка.

Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ еще и потому, что русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. (И. С. Тургеневъ, „Хорь и Калинычъ“ Трофимовъ, стр. 41).

Англійскій посланникъ Чарльзъ Витворъ уже въ мартѣ 1705 г., т. е. за четыре года до Полтавы, писалъ: „Мощью собственнаго генія, почти безъ сторонней помощи, онъ достигъ успѣховъ, превосходящихъ всякія ожиданія, и вскорѣ, конечно, возведетъ свое государство на степень могущества, грознаго для сосѣдей“... Предсказаніе англичанина оправдалось.

Петръ обладалъ рѣдкимъ среди правителей мужествомъ—мужествомъ реформатора, способнымъ мѣнять установившіеся порядки. Этимъ мужествомъ государственные люди одарены бываютъ рѣдко.

Петръ трудился въ потѣ лица потому, что свою задачу понималъ, какъ обязанность содѣйствовать общему благу. Кромѣ того онъ смотрѣлъ на себя, какъ на слугу отечества. Онъ не хотѣлъ пользоваться преимуществами своего положенія и началъ военную службу съ барабанщика, а гражданскую—съ плотника, желая получать дальнѣйшія отличія и признанія за дѣйствительные подвиги и заслуги. Вице-

адмирала онъ принялъ за побѣду при Гангеуддѣ (1714 г.), генерала—за Полтаву. Отечество стояло передъ нимъ, какъ живое любимое существо, а не носилось въ его воображеніи, какъ холодная отвлеченность. Отечеству онъ служилъ фанатически. „Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести родины,—говорилъ онъ сыну Алексѣю,—не щадить трудовъ для общаго блага; если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ,—я не признаю тебя своимъ сыномъ". „Если не обратишься, то я весьма тебя наслѣдства лишу". Такъ Петръ и сдѣлалъ, видя нерадѣніе сына и даже его желаніе противодѣйствовать нововведеніямъ отца.

Вотъ маленькій эпизодъ, обрисовывающій Петра, какъ государственнаго дѣятеля.

Петръ сажалъ желуди, имѣя въ виду взростить корабельный лѣсъ.—Знатный господинъ улыбнулся. „Глупый человѣкъ—сказалъ Петръ,—ты думаешь, не дожить мнѣ до матерыхъ дубовъ. Да вѣдь я не для себя тружусь, а для будущей пользы государства".

„Я вамъ отъ Бога приставникъ,—пояснялъ Петръ,—и должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Будешь хорошо служить, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству, добро сдѣлаешь" (говорилъ онъ Неплюеву).

У Петра В. есть чему поучиться. Укажу только на двѣ его особенности. Всякое дѣло онъ начиналъ съ упованіемъ на помощь Бога. „Съ помощью Божьею дѣлайте".

„По приказу Божію" въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой. „Итакъ, при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ". „Чрезъ помощь Божью" крѣпкая подушка Санктъ-Петербургу устроена. Подобными вставками пестрятъ его серьезныя письма. Брешь, сдѣланный его войсками въ укрѣпленіи Нарвы и помогшій ему взять крѣпость, онъ назвалъ „Божьею".

Эту черту въ характерѣ Петра прекрасно отмѣтилъ Государь Императоръ въ своей рѣчи. „Волею Господа Бога, геніемъ Петра и стойкостью русскаго народа была одержана побѣда, давшая Россіи величіе". Какъ это исторически вѣрно очерчено, какъ глубоко понято. Безъ упованія на волю Господа, Петръ никакого важнаго дѣла не предпринималъ.

Послѣ Бога—Царь! Именно такъ! Когда окончена была Великая Сѣверная война, канцлеръ Головкинъ Петру сказалъ

Великому: „Твоими неусыпными трудами, твоимъ единымъ руководжденіемъ, Царь, мы изъ тьмы невѣдѣнія и ничтожества на путь славы выступили и присоединились къ образованнымъ народамъ". Труды и „руководжденіе" Петра были такимъ образомъ правильно оцѣнены.

Послѣ Бога и Царя, мы обязаны своему народу Полтавской побѣдой. Предъ заслугой народа также надо преклониться. Онъ вынесъ на своихъ плечахъ въ теченіи 20-ти лѣтъ Великой Сѣверной войны изумительную тягость и вынесъ стойко!

„Никогда ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка" (Соловьевъ). Онъ проявилъ неимовѣрныя усилія и принесъ страшныя пожертвованія.

Петръ, въ первый-же моментъ послѣ одержанной побѣды, на самомъ полѣ битвы, объѣзжая съ непокрытой головой войска, говорилъ имъ: „безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу... и къ отечеству не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно". Вотъ вѣрная и сердечная оцѣнка труда и крови русскаго народа. Вотъ передъ кѣмъ Царь Петръ обнажалъ свою голову: передъ чадами родными, роднымъ мужественнымъ народомъ.

Петръ умѣлъ воздавать должное. Умѣлъ и карать.

Рука его тяжелая была, очень тяжелая. Провиниться передъ нимъ было опасно. Ни другу, ни недругу не дѣлалось спуска. Провинился любимецъ Меньшиковъ—и дубинка прогулялась по его спинѣ, провинился родной сынъ—и попалъ въ застѣнокъ, провинилась сестра Софья—и очутилась въ монастырѣ.

Но та-же тяжелая и ужасная рука,—которая высоко подымала переполненную до краевъ чашу на пирахъ и толкнула сына въ застѣнокъ, а супругу и сестру въ монастырь, умѣла искусно владѣть на пользу государства перомъ, мечомъ и топоромъ.—Изъ дворца Петръ вышелъ въ народъ, работалъ на верфи и въ кузницахъ, „дубинкой" унималъ буйную улицу и подгонялъ лѣнивыхъ. Вездѣ Петръ—въ поту, въ пыли, въ дыму, въ пламени. Петръ на боевомъ конѣ, Петръ у руля военнаго корабля, въ совѣтѣ, мастерской, на

ассамблеѣ—вездѣ онъ въ своей сферѣ, онъ умѣетъ во все перевоплотиться, все понять, сдѣлать, посовѣтовать.

Среди общей картины Россіи, всюду вы видите этого царственнаго труженика, уже однимъ своимъ ростомъ превышающаго всѣхъ. А вокругъ него, подъ наблюденіемъ остраго взгляда и грознаго оклика, кипитъ работа: здѣсь разводятъ выписанныхъ овецъ, молочный скотъ и конскія породы, тамъ заняты устройствомъ фруктовыхъ садовъ; въ одномъ мѣстѣ срываются бугры, въ другомъ прорываются грандіозные каналы; вотъ иноземцы обучаютъ ратному строю рекрутъ, которыхъ прямо съ ученія отправляютъ въ огонь генеральной баталіи; въ удобныхъ гаваняхъ создаются верфи, для которыхъ карабельный лѣсъ привозится съ Урала, а мастера изъ-заграницы. На сѣверѣ изъ болотъ выростаетъ любимый „парадизъ", „полнощныхъ странъ краса и диво"; на западѣ вытягивается линія укрѣпленій, на востокѣ изъ нѣдра горъ добывается руда; на югѣ идетъ упорная борьба съ сильными турками. Какой поражающій розмахъ! Какое исключительное явленіе всемірной исторіи, какое сокровище исторіи русской! Петръ—величайшій историческій дѣятель! Петръ—это своего рода perpetuum mobile—безустанное движеніе, неизсякаемая энергія. Во все онъ вноситъ стремительность. Онъ вѣчно торопится и торопитъ другихъ. Онъ носился по Россіи, встряхивая всѣ ея углы, всѣ сословія. „Понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно". Это прекрасное правило должно служить намъ ежедневной житейской заповѣдью.

Петръ—это вѣчно напряженная мысль. Онъ весь былъ трудъ, трудъ тяжелый, неустанный. „Я не знаю какъ быть безъ дѣла дома", безъ дѣла общественнаго,—говорилъ онъ. Царь въ „работѣ пребывающій"—рѣдкій по красотѣ примѣръ для обновляемой Россіи. „Трудиться надобно,—поучалъ онъ. Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли. Отложивъ топоръ и долото, онъ брался за перо, хватался за мечъ, и вездѣ дѣло спорилось... Среди дѣла онъ обдумывалъ другія дѣла. Дѣломъ онъ училъ другихъ. Петра нельзя себѣ представить (какъ выразился профессоръ Ключевскій), внѣ потока самыхъ разнообразныхъ дѣлъ.

Петръ I великъ именно своимъ колоссальнымъ трудомъ. Онъ всегда былъ въ работѣ, всю жизнь учился.

Подчеркиваю это, зная, что многія, окончивъ курсъ, считаютъ обыкновенно все совершеннымъ. Онѣ забрасываютъ книги, складываютъ ручки и начинаютъ предъявлять требованія къ обществу, правительству, близкимъ. Я хочу думать что мои слушательницы здѣсь—совершенное исключеніе изъ указаннаго правила. Но и я излагаю лишь общее правило, которое гласитъ: ученіе никогда не кончается. Преподаватели ни здѣсь, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, никогда не въ состояніи передать ученицамъ всего необходимаго и полезнаго. Доучиваться приходится въ теченіи всей жизни, какъ и трудиться необходимо всю жизнь сплошь (подобно Петру В.). Знаніе пополняется книгой и трудомъ.

Умная книга прекрасный другъ и хорошій совѣтникъ. Библіотека нужна и важна не только въ школѣ, но и въ жизни. Библіотека была и останется особо нужнымъ орудіемъ нравственнаго развитія и умственнаго совершенствованія. Хорошій человѣкъ развиваетъ и воспитываетъ себя до конца своихъ дней. „Книгопечатаніе—артиллерія мысли"; и въ духовной борьбѣ нельзя пренебрегать этимъ сильнѣйшимъ орудіемъ, выбрасывающимъ лучшія мысли далеко впередъ, опережая общій ходъ развитія массъ.

Красивую маленькую картину далъ поэтъ Финляндіи З. Топеліусъ, обрисовывая постепенный ростъ значенія книги—печатнаго слова такъ:

„Мысль скромно сидѣла въ своей кельѣ; уставъ отъ раздумья, она вышла и нашла слово. Слово было исчезающій звукъ; пожелавъ установиться, оно обрѣло письмо. Письмо сберегло слово; но чувствуя себя прикрѣпленнымъ къ бумагѣ, слово стало искать крыльевъ и нашло печатный станокъ... Для печатнаго слова нѣтъ границъ ни во времени, ни въ пространствѣ; оно родится въ день и живетъ вѣчность; оно пролагаетъ себѣ путь ко всему, достигаетъ всего, проникаетъ сквозь всякую щель... Никакая стѣна его не заслонитъ, никакая плотина не сдержитъ. Разъ выпущенное, оно невозвратимо и неуничтожимо. Бить его молотомъ—бить воздухъ, жечь огнемъ—жечь мысль. Въ наше время сила печатнаго слова—сила мысли; оно—условіе жизни, всего"... Слово сильнѣе меча. Оно проникаетъ далѣе, вліяетъ болѣе. Ясно, что книгой надо дорожить; съ ней нельзя

разставаться. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, говоритъ мудрая наша поговорка.

Точно также надо полюбить и чтить трудъ. Безъ труда нѣтъ правильной и зрѣлой счастливой жизни. „Юность— свѣтлое видѣнье, зрѣлость—трудъ и честный бой“.

Судьба поставила меня такъ, что я на опытѣ понялъ значеніе труда, всю его сладость, всю привлекательность. И поэтому съ особымъ убѣжденіемъ проповѣдую его. Ни богатство, ни развлеченія—счастья не дадутъ. Они принесутъ временное удовольствіе. Но удовольствіе скоро пресыщаетъ человѣка и онъ оказывается передъ бездной пустоты и скуки.

Трудъ, любимое дѣло, работа, въ которое вкладывается вся душа—вотъ неизсякаемое блаженство. Не бойтесь труда—онъ лучшій и вѣрнѣйшій спутникъ человѣка, онъ оберегаетъ его отъ всѣхъ золъ.

Если бы я былъ поэтомъ, то прежде чѣмъ воспѣть красоту и природу, блескъ солнца и свѣтъ луны, я сложилъ бы звонкій гимнъ труду святому, милому труду. О, если бъ мнѣ была дана возможность трогать сердца—я сказалъ бы довѣряющимъ мнѣ: одну жизненную заповѣдь предлагаю вамъ „любите трудъ“.

„Умственная работа, какъ и самая мысль, никогда не дожны въ человѣкѣ ни пріостанавливаться, ни прерываться“. Такъ поступали великіе писатели, мыслители, художники, государственные дѣятели, подобные Петру I. „Всякій предыдущій день работы облегчаетъ и ускоряетъ работу слѣдующаго дня, всякій же перерывъ работы понижаетъ работоспособность“.

„Кто разсчитываетъ обезпечить себѣ здоровье (счастье и жизнь) пребываніемъ въ лѣни, тотъ поступаетъ также безразсудно, какъ и человѣкъ, думающій молчаніемъ усовершенствовать свой голосъ“.

Безъ трудолюбія нѣтъ ни талантовъ, ни геніевъ. Пушкинъ—при его могучихъ крыльяхъ удивительнаго таланта— безъ трудоспособности не былъ бы солнцемъ нашей поэзіи.

Богатство безъ труда не богатитъ человѣка.

Если лѣнь—мать всѣхъ пороковъ, то трудъ—отецъ всѣхъ добродѣтелей. Эти старыя азбучныя, часто забываемыя правила стоятъ вѣка никѣмъ неопровергнутыя, а потому: „предъ Богомъ лѣнью не грѣши“. Бездѣлье постыдно.

Отъ бездѣлья завянутъ мысли и мечты, погаснетъ пламя искусства, отлетитъ охота жить.

Самымъ всеобщимъ закономъ природы является трудъ. Трудъ краеугольный камень нравственности и лучшее наслажденіе въ жизни, благословеніе ея. Весь свѣтъ—огромнѣйшая мастерская, гдѣ все въ движеніи, т. е. въ дѣятельности и трудѣ. Теплота, свѣтъ, электричество—все движеніе.

Цивилизація и культура—колоссальный трудъ.

Успѣхи разныхъ отраслей промышленности въ корнѣ опредѣляются исключительно трудолюбіемъ. Все „благо народное“ какъ и всѣ достатки современности, опредѣляются только суммою трудовъ. Скажу болѣе: исторіей народа интересуются постолько, поскольку онъ проявляетъ дѣятельности, труда, изобрѣтательности.

Жизнь есть трудъ, а потому болѣе любви и уваженія къ книгѣ и труду. Они помогутъ разобраться въ томъ, чего не успѣла досказать школа. Они сослужатъ вамъ прекрасную службу.

Петръ В. своимъ поражающимъ трудомъ и своей энергіей преобразовалъ всю Россію. Полтавская побѣда и здѣсь сыграла не малую роль: она въ значительной мѣрѣ заставила народъ увѣровать въ справедливость его требованій и нововведеній. Послѣ Полтавы ропотъ, разлившійся широкой волной по Россіи, замѣтно утихалъ. Но споръ о пользѣ и вредѣ преобразованій Петра передался въ потомство...

„Россія только что пережила время невзгодъ“,—читаемъ далѣе въ Высочайшей рѣчи. „Я вѣрю, что отнынѣ она вступитъ на путь развитія и благоденствія и что будущимъ поколѣніямъ легче будетъ жить и служить своей родинѣ“.

Указанная здѣсь невзгода извѣстна. Россія вела трудную войну на Д. Востокѣ съ непріятелемъ, который долго и упорно подготовлялся къ борьбѣ. И въ это время въ Россіи, дома, поднялась безчеловѣчная, неразумная, злодѣйская смута. Много революцій видѣлъ міръ, но онъ не видалъ еще ни одной столь неразборчивой въ средствахъ, какъ наша! Среди русскихъ нашлись такіе недостойные сыны Россіи, которые добивались банкротства, разоренія собственной страны! Они унижали и позорили родной отчій домъ! Они готовы были разрушить то государство, которое создано было кровью и многовѣковыми трудами нашихъ предковъ. Они

осмѣивали и осуждали все, что свято и особенно необходимо въ жизни: религію, родину, патріотизмъ... Можно-ли представить что-нибудь хуже и унизительнѣе! Весь ужасъ въ томъ, что у нихъ не было любви къ родной землѣ, не было самоуваженія, не было національной гордости. Да, тяжелое ужасное время пережила Россія!

Государь напоминаетъ объ этой невзгодѣ, но сохраняетъ надежду, что будущимъ поколѣніямъ легче будетъ жить и служить своей родинѣ.

Мы знаемъ и вѣримъ, что всегда послѣ мрака ночи, вновь забрежжетъ день и взойдетъ свѣтило. Такъ и случилось. Туманъ смутныхъ дней расходится и занимается заря новой жизни.

„Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день".

(И. С. Аксаковъ).

Пережитое явилось огромнымъ переворотомъ въ государственной жизни Россіи.

Начинается новая Россія. Родившіе ее событія и законы принесли много новыхъ понятій и требованій. Идетъ перестройка общества и государства на новыхъ началахъ. Намъ милостиво дарованы Государемъ Императоромъ новыя права и мы вступаемъ въ область свободы. Насъ призываютъ къ новой бодрой дѣятельности. У насъ введено народное представительство—въ лицѣ Г. Думы и Г. Совѣта.

Вамъ придется жить и работать при новыхъ условіяхъ. Но новый курсъ государственной и общественной жизни, суля много радостей, предъявитъ вамъ и много новыхъ серьезныхъ требованій. Къ нимъ надо подготовиться немедленно, не откладывая. Нужна отъ каждой большая самодѣятельность, серьезное совершенствованіе. Опека государства снимается. Нельзя мѣшкать. Новая жизнь настойчиво стучится въ дверь. Событія не ждутъ. Помните, что будущее начинается не завтра, а сегодня, (В. Гюго). Событія сильно погнали впередъ жизнь и мысль. Все осложняется. Кому Господь судилъ жить въ такіе дни, надо идти впередъ. Требованія, повторяю, растутъ. „Того, что сдѣлали отцы, отъ васъ отребуется вдвое". Иначе не будетъ прогресса. По улицамъ помчались автомобили. По воздуху залетали дирижабли и аэропланы, по водамъ задвигались гиганты дредноуты, за-

ныряли подводныя лодки. Наука въ послѣднія десятилѣтія сдѣлала много великихъ открытій. Всего не перечесть. Матеріальныя условія создадутъ вамъ, вѣроятно, болѣе удобную жизнь, но чтобы легче жилось, нельзя оставлять старыхъ испытанныхъ нравственныхъ основъ жизни. Давно установлено: чтобы правильно и хорошо прожить, чтобы переплыть житейское море, миновавъ мели и подводные камни злобы, соблазновъ, разныхъ лжеученій,—надо слѣдовать свѣточу религіи и путеводной звѣздѣ истинной науки. Надо прислушаться къ голосу Евангелія, внять указаніямъ великихъ людей. Они выведутъ каждаго изъ современнаго водоворота. Остается незыблемымъ, что міръ вращается у подножія Креста единаго безгрѣшнаго Богочеловѣка, нравственному ученію Котораго суждено быть вѣчнымъ неугасимымъ маякомъ на извилистомъ пути жизни.

Но послѣ религіи, послѣ исполненія долга и рядомъ съ наукой и закономъ, которые должны помочь каждому выбраться изъ современной трясины,—трясины революціи и соціализма,—надо поставить уваженіе къ своему народу.

Для того чтобы жилось легче и лучше, нужно,—какъ указываетъ Его Величество,—чтобы „всѣ вѣрные подданные помогали своему Государю, нужна вѣра въ силу своего отечества, любовь къ нему и любовь къ своей старинѣ".

Я обращаю ваше особое вниманіе на эти замѣчательныя слова. Уваженіе къ своему народу, къ его преданіямъ и привязанностямъ, само по себѣ, безспорно, святое и высокое чувство. Каждый гражданинъ и каждая гражданка не иначе, какъ съ трепетомъ должны касаться народной святыни: посягать на нее есть преступленіе противъ отечества. (Чечоринъ). Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, любовь къ родинѣ—или патріотизмъ—огромная духовная сила, она,—какъ говорится,—въ состояніи горами двигать. Она спасала государства, находившіяся на краю гибели. Она воздвигала ихъ изъ ничтожества на высоту міровой славы. Въ патріотизмѣ кроется главный секретъ великихъ культурныхъ успѣховъ западныхъ народовъ. Патріотизмъ далъ Японіи побѣды, отсутствіе патріотизма губило Россію въ дни смуты, въ дни пережитой невзгоды 1904—1905 г.г. Чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ онъ патріотичнѣе. Патріотизмъ самое естественное чувство, и къ стыду

нашему, у насъ его далеко недостаточно. И вѣры въ Россію, и любви къ ней у насъ такъ мало, что иностранцы удивляются намъ и корятъ насъ. И они правы. Вѣдь мощь государства не въ матеріальной силѣ, а въ патріотизмѣ. Иностранцы говорятъ: если вы мало любите Россію, то вы не граждане ея.—Это ужасный заслуженный укоръ! Вѣдь любовь къ родинѣ самое естественное, самое святое чувство— и тѣмъ не менѣе у насъ его мало.

Чувства любви къ родинѣ много пояснять не приходится. Вамъ говорили о немъ словами Карамзина. Помните? „Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество“.

Вмѣсто лапландца, укажу вамъ на изящнаго нашего соотечественника-европейца Ив. С. Тургенева. Онъ преимущественно жилъ на Западѣ. Въ письмѣ его къ другу читаемъ: „Кто мнѣ растолкуетъ то отрадное чувство, которое всякій разъ овладѣваетъ мною, когда я съ высоты Висельной горы открываю Мценскъ? Въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего особенно плѣнительнаго—а мнѣ весело. Это и есть чувство родины“. (Письмо И. С. Тургенева 11—23 дек. 1861 г. къ П. И. Борисову). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „вѣетъ такимъ роднымъ Орловски-степнымъ воздухомъ, что...“

Всѣ наши крупные писатели испытали это чувство родины и свидѣтельствуютъ о немъ. Всѣ они начинали съ крика радости, при переѣздѣ границы въ Европу и кончали тоской по родинѣ. Вспомните Фонъ-Визина, Карамзина, Грибоѣдова, Гоголя, Достоевскаго, Тютчева, Герцена и др. „Я не воображалъ, что можетъ быть такая мука на свѣтѣ—не жить въ Россіи“, писалъ Ап. Майковъ.

Тоже говоритъ даровитый поэтъ нашихъ дней гр. Голенищевъ-Кутузовъ:

„. . . . . И все же
Мила родная глушь. Въ ней легче дышетъ грудь.
Чужбины тяжкая, холодная истома
Спадаетъ тамъ съ души, и гласъ земли родной

Мнѣ внятно слышится: „ты счастливъ будешь дома,
Пора на родину, пора въ гнѣздо... домой!“

Еще сильнѣе это чувство выражено у Некрасова. Изъ за-границы возвращается путешественникъ, отправившийся туда за утѣшенiемъ. Ѣдетъ онъ теперь по Россiи.

„Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующiй просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!

Въ радости, при возвращенiи на родину, онъ посылаетъ всему привѣтъ. Грудь легко дышетъ. Ѣдетъ. Озирается...

Вотъ
„Храмъ Божiй на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ...
. . . .
Войди! . . . .
... Я внялъ... Я дѣтски умилился
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣнiй предстоящихъ,
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ“.

У К. К. Случевскаго читаемъ:

„...Я видѣлъ чуждыхъ странъ
Брега роскошные и цѣпи горъ высокихъ,
Развалины Аѳинъ, мечети мусульманъ
У Средиземныхъ водъ лазурныхъ и глубокихъ;
Я видѣлъ Индiю, гдѣ зрѣетъ ананасъ...
. . . .
Но не плѣнился я роскошной красотой,
Милѣй мнѣ во сто разъ родныя очертанья
Природы сѣверной, широкой и простой...“

Среди земного рая, онъ тосковалъ о зимѣ, онъ вспоминалъ о чуткой снѣжной тишинѣ.

Карамзинъ былъ правъ, сказавъ: „для того, чтобы узнать привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать“. „Суть весны мы познаемъ зимою,—писалъ поэтъ Гейне, за печкою поются лучшія майскія пѣсни“.

Только на родинѣ „утихаютъ сердца бури“, расцвѣтаютъ мечты, крѣпнетъ духъ.

Указанное чувство родины свойственно не только образованнымъ классамъ, но столь-же глубоко заложено въ каждомъ крестьянинѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ его пословицы и поговорки. „Родимая сторона—мать, чужая—мачиха“; „по родной сторонѣ не только сердце, но и кости ноютъ“; хотя „за моремъ веселье, да чужое, а у насъ и горе—да свое“. „Своя печаль чужой радости дороже“. „Своя земля и въ горсти мила“! „На чужой сторонѣ и весна не красна“. Вѣдь это все та же мысль, которую выразилъ Грибоѣдовъ въ стихѣ:

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“.

Вотъ и говорите послѣ того,—какъ это сдѣлалъ одинъ русскій писатель,—что наши крестьяне не имѣютъ понятія объ отечествѣ! Народъ сильно и выразительно осуждаетъ тѣхъ, которые позволяютъ себѣ непочтительное отношеніе къ родинѣ. О тѣхъ они говорятъ: „худая та птица, которая гнѣздо свое мараетъ“. Всякое растеніе вянетъ и гибнетъ на чужбинѣ, птицы и животныя—хирѣютъ... Трудно и человѣку на чужой сторонѣ: почему? На это Пушкинъ даетъ такой отвѣтъ:

„Два чувства дивно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу—
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ“.

Ясно отсюда, что любовь къ родинѣ естественное чувство и его стыдиться не приходится. Патріотизмъ возникаетъ изъ чувства благодарности къ родинѣ, въ которой начинается, крѣпнетъ и развивается наша жизнь. Родина—тотъ уголокъ земли, гдѣ я впервые узналъ всю прелесть бытія. Патріотизмъ—или любовь къ родинѣ выростаетъ изъ семейной любви дѣтей къ родителямъ. Это чувство истекаетъ также изъ заповѣди Божіей: „Чти отца твоего и матерь твою“. Этому хорошему чувству слѣдовало бы отдаваться всѣмъ пылкимъ порывомъ, горячо, безбоязненно, а между тѣмъ мы даже плохо вѣримъ въ будущее Россіи. Мы не жи-

вемъ надеждой на ея славный расцвѣтъ, на ея блестящее міровое значеніе.

„Вѣры въ Русь и въ себя—вотъ что нужно намъ братія!
Все по вѣрѣ намъ Богомъ дается.
Открывайте-жъ той вѣрѣ широко объятія,
А ужъ силы въ насъ вдоволь найдется!..
Въ глубинѣ неизвѣданной духа народнаго
Эта дивная кроется сила...“.

(М. Розенгеймъ).

Петру предстояло преобразовать свое государство. Призвалъ онъ и иностранцевъ, но вѣры въ свой народъ онъ не потерялъ. И какъ былъ онъ вознагражденъ за эту вѣру!

Въ вѣрѣ наше богатство, наша сила; въ дни труда и невзгодъ она подкрѣпитъ насъ... Если хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла, надо вѣрить въ будущее родины.

Еще Карамзинъ сказалъ: „Мы излишне смиренны въ мысляхъ о своемъ народномъ достоинствѣ; я не говорю, что любовь къ отечеству должна ослѣплять насъ, что мы всѣхъ и во всемъ лучше, но русскій долженъ знать свою цѣну“.

„Себѣ внимай и спасешься!“ говорилъ Всевидецъ.

Поэтъ Тютчевъ горячо вѣрилъ въ Россію и смотрѣлъ на нее, какъ на избранницу Божію и носительницу правды Божіей на землѣ. „Ты лучшихъ будущихъ временъ глаголъ и жизнь, и просвѣщенье“. Онъ ласкалъ себя надеждой, что Россія раздвинется до Нила и Эфрата, а столицей ея будетъ Константинополь.

„Всякій великій народъ вѣритъ,—писалъ Ѳ. М. Достоевскій,—и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ то, и только въ немъ одномъ и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ. Только лишь эта вѣра и возвышала всѣ народы до возможности каждому имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества. Вѣра въ то, что хочешь и можешь сказать послѣднее слово міру, вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей любви и жажды служенія человѣчеству,—да, такая вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй“.

Въ вѣрѣ въ себя будемъ слѣдовать нѣмцамъ, которые поютъ „Deutschland, Deutschland über Alles“.

Говоря и дѣйствуя такъ, мы отнюдь не проповѣдуемъ узкаго провинціализма или тупого самодовольства своимъ угломъ, мы отнюдь не хотимъ выражать неуваженіе къ чужимъ народностямъ и ослѣпляться своимъ. Нѣтъ! Мы только стремимся къ тому, чтобы поставить свое впереди и выше всего. Оно намъ родное. Мы прежде всего за него. Въ тоже время мы никому не уступимъ, напр., въ уваженіи къ Западу, къ „странѣ святыхъ чудесъ“. Мы знаемъ, что тамъ каждый камень гласитъ о горячей минувшей жизни, о подвигѣ, о борьбѣ за науку. Мы готовы сказать,—какъ говоритъ у Достоевскаго Иванъ Федоровичъ Карамазовъ: „Я знаю заранѣе, что паду (тамъ) на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними“. Въ Европѣ мы будемъ цѣнить все истинно высокое, культурное, благородное, гуманное. Но въ то же время уважать свое, ибо отечество было и останется ближе всего нашему сердцу. Мы всѣмъ воздадимъ должное, но свое—остается для меня роднымъ и наиболѣе близкимъ и цѣннымъ. „Я могу быть патріотомъ,—писалъ Пушкинъ,—не ненавидя другихъ народовъ“.

Точно также, что касается разныхъ народностей въ Россіи, то мы любимъ и уважаемъ всѣхъ тѣхъ, которые преданы Россіи, служатъ ей честно, любятъ ее и готовы вмѣстѣ съ нами жертвовать для нея всѣмъ, для которыхъ Россія является единственнымъ политическимъ отечествомъ, для которыхъ русскій Монархъ—ихъ Монархъ. Всѣ эти—намъ родные.

Если я не буду вѣрить въ страну и народъ, къ которымъ я принадлежу, то жизнь моя будетъ безсмыслицей. Эту страну завоюютъ враги и уничтожатъ меня. Если я не люблю моей страны, то что-же мнѣ тогда любить? Вы скажете: мою семью, богатство, какое-нибудь дѣло? Но врагъ придетъ и смететъ съ лица земли меня, и, вмѣстѣ со мной, семью, богатство, мое предпріятіе. Ясно, что любовь къ своему народу и своей странѣ необходима. Если я не радѣю о благѣ моей страны, то неужели мнѣ радѣть о благѣ ея враговъ. Вѣдь это-же безуміе! Если я не буду работать для своей страны, умирать за нее, то цѣль моей жизни будетъ утрачена. Другіе народы потому-то и счастливы, что крѣпко

любятъ свое отечество и охотно умираютъ за него; они довольны жизнью потому, что проникнуты патріотизмомъ (Л. Л. Толстой).

Выводъ, слѣдовательно, таковъ: надо жить для Россіи, работать на пользу Россіи, служить Россіи, умирать за Россію. И надо все это дѣлать столь-же беззавѣтно и безкорыстно, какъ это мы дѣлаемъ для родныхъ—отца и матери. Запомните слѣдующій разсказъ: „Весною, во время ледохода, въ бурной рѣкѣ тонетъ женщина. Толпа стоитъ на берегу, но помощи никто не рѣшается подать—опасность слишкомъ велика. Вдругъ прибѣгаетъ деревенскій парень; сразу, безъ колебаній и размышленій, бросается въ воду и спасаетъ утопающую. „Какъ могъ ты рѣшиться, говорятъ ему окружающіе: ты шелъ почти на вѣрную смерть".

— „Да вѣдь она моя мать!"

Вотъ примѣръ того, какъ надо дѣйствовать по отношенію къ родной Россіи. Матери нельзя отказать въ своихъ услугахъ. Мать-Россію могутъ посѣтить неурожаи и наводненія, можетъ постигнуть война и смута, эпидемія. Стремитесь безъ разсужденія на помощь. Не спрашивайте, кто виноватъ. Выручайте изъ бѣды, окажите нужную помощь. Содѣйствуйте, кто чѣмъ можетъ. Одни дадутъ денегъ, другіе принесутъ свой трудъ, третьи пойдутъ въ сестры милосердія... Мать въ нуждѣ и надо выручать. Помните, какъ дѣйствовалъ тотъ, кого сегодня вспоминаемъ. Петръ В. видѣлъ, что неизвѣстные люди тонутъ у Лахты и онъ—царь—бросается въ воду. Также надо спасать отечество.

Россія бѣдна. Стоитъ-ли оказывать ей помощь? Тѣмъ болѣе! Тѣмъ честнѣе и безкорыстнѣе, возвышеннѣе ваша помощь. Англія, Германія, Америка и др. государства начали свое существованіе бѣдняками. Пробудившійся патріотизмъ сдѣлалъ ихъ богатыми и культурными. Неуваженіе къ бѣднымъ предкамъ, говорилъ солнце нашей поэзіи—А. С. Пушкинъ,—„постыдное малодушіе". „Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности".

„Святую Русь бранятъ, дивятся
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ".

(А. Пушкинъ).

„Клянусь вамъ честью,—писалъ Пушкинъ Чаадаеву,—что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы перемѣнить отече-

ство, ни имѣть другой исторіи, какъ исторіи нашихъ предковъ, такую, какъ Богъ ее послалъ".

Помните также, что всѣ культурные народы пылаютъ самымъ горячимъ патріотизмомъ. Весь Западъ звенитъ народными, героическими, патріотическими пѣснями. Почему? Да потому, что патріотизмъ подымаетъ и воодушевляетъ.

У насъ пока имѣется лишь настолько патріотизма, что мы тоскуемъ по родинѣ, пожалуй, жалѣемъ ее. Но этого недостаточно. Любовь къ ней требуетъ заботы, жертвъ и труда. —Родинѣ надо отдавать всего себя. „Единственный признакъ истиннаго патріотизма—служеніе отечеству". И опять мы пришли къ тому труду, который я старался воспѣть передъ вами. Безъ труда ничего не будетъ. Одни красивыя слова и вздохи родинѣ не помогутъ.

А если такъ, то, подражая Пушкину, скажемъ: „друзья, отчизнѣ посвятимъ не только душъ высокія стремленья", но свой тяжелый, упорный и въ то-же время святой и благородный трудъ.

Работать-же на пользу Россіи будемъ въ единеніи съ Монархомъ. Между подданнымъ государства и его Главой великое разстояніе. Но мыслить, чувствовать и работать для Россіи они могутъ и должны одинаково. Вотъ маленькій примѣръ, показывающій возможность одинаковыхъ чувствованій. Проѣзжая по горному ущелью на Кавказѣ, путешественникъ замѣтилъ, что его ямщикъ снялъ шапку и сталъ креститься направо и налѣво. „Что ты крестишься—тутъ нѣтъ ни часовни, ни креста?" „Эхъ, баринъ,—отвѣтилъ ямщикъ: тутъ нашихъ дѣдовъ косточки лежатъ. Креста-то нѣтъ, а много ихъ тутъ полегло! Кровью нашей земля эта взята"... Въ этомъ ямщикѣ мы имѣемъ истиннаго патріота, умѣющаго цѣнить кровь и труды предковъ. На устахъ у него сейчасъ-же готовая молитва за нихъ и онъ набожно крестится.

Перенеситесь теперь на поле Полтавской битвы лѣтомъ сего года. Тамъ нашъ Государь обнажаетъ голову и творитъ молитву за храбрыхъ, пролившихъ кровь за отечество.

Смотрите: вотъ алтарь походный;
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.
И мигъ! предъ поднятымъ крестомъ

Священный шелестъ пробѣгаетъ,
Склонились долу знамена,
И Царь колѣно преклоняетъ
И все за нимъ—бѣжитъ волна
Во все людское это море!
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,
Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ—Христосъ!

(Ап. Майковъ).

Очевидно, что ямщикъ на Кавказѣ и Царь подъ Полтавой одинаково чтутъ предковъ. Вотъ оно—единеніе Царя съ народомъ! Ихъ связываетъ одинаковая молитва, ими движетъ одно и то-же чувство, на нихъ вліяетъ одна и та-же исторія Россіи.—Вотъ духовная мощь, которая объединяетъ, спаиваетъ въ одну силу Главу государства и его фундаментъ—народъ. Тутъ видно, что они принадлежатъ къ одной народности, сердцемъ понимаютъ другъ-друга, они родные по духу...

Помните, какъ Государь Императоръ встрѣтилъ первыхъ моряковъ, вернувшихся въ 1904 году съ Дальняго Востока, послѣ ихъ храбраго подвига при Чемульпо? Онъ назвалъ ихъ родными. Исторія этихъ словъ не забудетъ.

Въ такомъ-же единеніи съ Государемъ будемъ трудиться на пользу дорогого отечества,—помня, что Онъ—Государь нашъ работаетъ за троихъ.

Если теперь нашъ возлюбленный Монархъ указываетъ на патріотизмъ, на необходимость вѣры и любви къ отечеству, то въ душѣ каждая изъ васъ пусть даетъ обѣтъ исполнить Его справедливое и крайне важное желаніе. Пусть каждая пока про себя скажетъ: Милостивый нашъ Повелитель! разсчитывай на насъ, весь Твой полтавскій завѣтъ будетъ нами свято исполненъ. Въ душевномъ единеніи съ Тобой станемъ честно трудиться на благо дорогой нашей родины, ибо намъ больно и стыдно будетъ видѣть ее пригвожденной къ кресту позора, слабости и неудачъ. Великую Россію мы любимъ. Ей мы часто шлемъ свой сердечный привѣтъ —ея раздолью и небесамъ, ея нивамъ и лѣсамъ, селамъ и

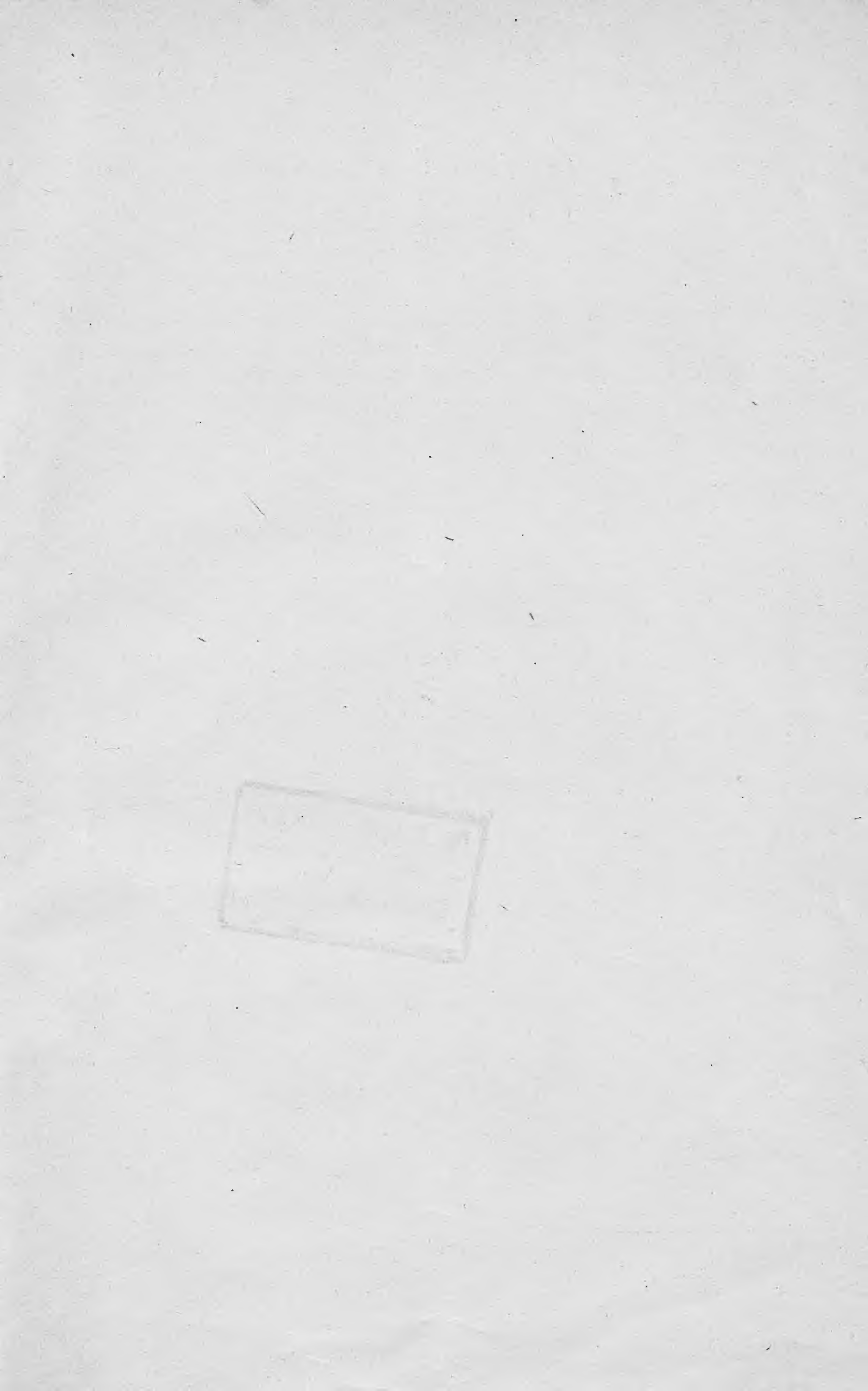
городамъ, ея преданьямъ и славѣ... Въ душѣ мы благословляемъ ее, мы молимся за нее и говоримъ:

„Пусть счастье новое, родимая страна,
Тебя обрадуетъ зарею возрожденья!“
(К. К. Случевскій).

Громко-же позвольте за васъ и отъ себя сказать: да здравствуетъ Вѣнценосный Вождь Россіи Государь Императоръ! Да благоденствуетъ милая родина! [1]).

[1]) Всѣ слушатели поднялись и запѣли гимнъ, покрытый затѣмъ громкимъ „ура“.

городамъ, ея преданьямъ и славѣ. Въ душѣ мы благословляемъ ее, мы молимся за нее и говоримъ:

„Пусть счастье новое, родимая страна,
Тебя обрадуетъ зарею возрожденья!“
(К. К. Случевскій).

Громко-же позвольте за васъ и отъ себя сказать: да здравствуетъ Вѣнценосный Вождь Россіи Государь Императоръ! Да благоденствуетъ милая родина![1]).

[1]) Всѣ слушатели [illegible] раздалось затѣмъ громкое „ура“.